

Сара Мангузо

ОЧЕНЬ
ХОЛОДНЫЕ
ЛЮДИ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М23

Sarah Manguso
VERY COLD PEOPLE

© 2022 by Sarah Manguso

Перевод с английского Марины Сизовой

Художественное оформление Екатерины Петровой

Мангузо, Сара.

М23 Очень холодные люди / Сара Мангузо ;
[перевод с английского М. Сизовой]. — Москва :
Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-201696-7

Рути переезжает с родителями в Уэйтсфилд, штат Массачусетс, — место, кажущееся идеальным. Она вынуждена терпеть выходки эксцентричной матери, пить порошковое молоко и посещать свалку, пока ее богатые сверстники живут свою лучшую жизнь.

По мере взросления Рути узнает о неприглядной стороне города — за красивым фасадом скрываются ложь, насилие и отчаяние, порой доводящие до самоубийств. Уэйтсфилд на самом деле — место, где погибает американская мечта и рождается правда. Но как же ей выбраться?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-201696-7

© Сизова М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

1

Уэйтсфилд — не место для таких, как мои родители, но, несмотря ни на что, они все равно сюда переехали. Когда в дверь впервые постучали, мама ожидала увидеть приветственную запеканку. *Мы покрасили дом в цвет вечернего тумана*, рассказывала она мне, *а женщина из дома напротив зашла спросить, почему мы выкрасили его в фиолетовый, как итальянцы*. Есть люди, которые носят свою инаковость честно, но мои родители — обманщики, незаконные уэйтсфилдовцы, белые с помесью, которую обнаружили, только когда краска высохла. К моменту, когда я родилась, дом выгорел до цвета грязного снега.

Самые старые дома в Уэйтсфилде были старше города, и, чтобы подчеркнуть возраст, на них вешали мемориальные таблички. Поколения семей рождались и умирали в этих до-

Сара Мангузо

мах, но на шести городских кладбищах лежали в основном дети. За столетия надгробия сильно разъело, они изрядно ушли под землю и стали походить на кривые посеревшие зубы с вырезанными на них овечками и ангелочками.

По пути в школу я проходила мимо трехсотлетнего деревянного дома, который восхищал маму исторически верным желтым цветом и витражными окнами. Внутри наверняка были все знаки старины: большой перепачканный золой камин, складные внутренние ставни — видимые доказательства причастности к первым, лучшим людям.

Про западный Массачусетс мама обычно говорила «там, на западе», и я мало знала о том, что лежит дальше соседних улиц. Три четверти города оставались неизведанными, и это рождало ощущение масштаба. Я и сейчас не знаю, как добраться до Лодж, школы для богатых. Она просто существует где-то там, на тех двадцати пяти квадратных километрах, которые явно предназначены не для меня.

Я часто просила маму заехать в ту часть города, где на каждом доме табличка. Там как на съёмочной площадке. На фоне дома одной моей знакомой снимали рекламу магазина зим-

Очень холодные люди

ней одежды. Съёмки пришлись на весну, поэтому их газон и подоконники засыпали липким искусственным снегом.

Мама любила вырезать объявления о свадьбах из «Курьера», единственной городской газеты. Фамилия жениха была, допустим, Кэбот, невесты — Эмерсон, они сидели на ступеньках перед библиотекой или музеем. Они не были нашими знакомыми, но маме нравилось, как они смотрятся на холодильнике.

Еще она любила изучать старую адресную книгу: она обращалась с потрепанными страницами так, как иные — с драгоценным фотоальбомом, только в ней не было фотографий — одни лишь списки фамилий и адресов. Каждую неделю она сверяла по ней выставленные на продажу дома из «Курьера». Иногда брала меня с собой посмотреть на эти большие старые особняки. Людей я никогда не видела, только дома — в георгианском стиле с огороженными балкончиками и мансардным окошечком, похожим на открывающийся третий глаз.

Особняки мне нравились, особенно на Понд-роуд, которая, по словам мамы, была самой дорогой улицей в городе. Понд-роуд — это тупик, и было непросто уговорить маму про-

Сара Мангузо

ехать до конца дороги и развернуться, но потом я напоминала ей, что мы там ни души за все время не видели: ни пешком, ни за рулем — и тогда она поддавалась. На Понд-роуд дома были не старые. Просто огромные и вычурные, со скульптурами и иномарками. Некоторые — навечно недостроенные, скрытые под синим брезентом.

Я понимала разницу между самыми старыми домами и просто самыми дорогими. Мне нравились старые, и в школе я трепетала перед девочками и мальчиками с именами вроде Верити и Корнелий. Я знала, что никогда не буду относиться к деньгам, как они — люди из старых, статных, насквозь продуваемых домов. Я и не пыталась проникнуть в их мир. И поклонялась издалека.

* * *

Дома старая краска на подоконнике пахла сладковато — по-другому, чем настенная. В поисках сквозняка я ощупала всю оконную раму, но ничего не нашла. Холод был повсюду. После ежемесячных выплат по ипотеке у родителей почти ничего не оставалось, и приходилось быть бережливыми.

Очень холодные люди

Так, например, воду в ванной можно было набирать только на ладонь и никак не выше. Я прижимала кончики пальцев ко дну ванны, не зная, где заканчивается ладонь и начинается запястье.

Однажды летом я увидела на площадке перед домом соседей зеленый садовый шланг. Из него текла вода. Я пыталась сосчитать, сколько уже вылилось без толку. *Что будем делать?* — спрашивала я у соседских детей. Они не отвечали. В кровь выбрасывало адреналин. В слякотную землю утекала вода.

В гардеробной под лестницей, где пахло дымом и кишечными газами, висел старый ирландский кардиган с вывязанными узорами и обтянутыми кожей пуговицами. Имя ему было *греющий свитер* — как будто другие свитера носят для красоты — и, если нужно было согреться, всегда можно было надеть его.

Мама отапливала дом ровно настолько, что мне приходилось носить греющий свитер поверх обычного, и отрезала ровно столько пленки, чтобы покрыть диаметр тарелки.

Я сидела на деревянном полу спиной к батарее. Со временем появлялись синяки, а если жар нарастал — красные вертикальные поло-

Сара Мангузо

сы. Между батареей и стеной, наклонившись, стоял пластиковый экран. Предполагалось, что он отражает тепло в комнату.

Осень приносила вороний хлопочущий грай, запах сладковатой лиственной гнили и костров. А еще новые вельветовые штаны, холодный воздух, обложки на учебники из коричневых бумажных пакетов. Записи на первых страницах тетрадей: «Седьмое сентября», «Восьмое сентября», «Девятое сентября» — всегда с оглядкой: так ли пишу.

За домом у нас росли два сахарных клена, и мама любила их больше остальных, потому что осенью они из зеленых превращались в красные — свою полную противоположность. Один клен заболел, и мама наняла человека, чтобы его спилить. Она рассказывала, что не хотела наблюдать за его работой. Но когда он закончил и подошел за оплатой, она взглянула на двор и поняла, что он спилил оба клена. Мертвы навсегда. Мама скорбела по этим красным деревьям до конца жизни.

По дороге из школы я собирала листья: багряные с золотыми пятнами, алые с зеленым краем, темно-пурпурные. Я подбирала всё: камушки, спичечные коробки, оброненные кем-

Очень холодные люди

то безделушки. А в декабре я никогда не проходила мимо опавших веточек хвои: крепила их на дверь в комнату и украшала — маленький рождественский венок только для меня.

Однажды, вынимая вещи из карманов моей куртки, мама нашла два полупустых спичечных коробка и накричала на меня. *А что, если бы я устроила пожар.* Но я бы не стала тратить на это спичку. Я просто нашла то, что другие выбросили, и подобрала.

* * *

Зимним утром свет растекался по пейзажу водянистым бульоном.

Отец ездил на подержанном серебристом спорткаре со сломанными поворотниками. Даже зимой, чтобы показать, куда поворачивает, он высовывал руку в окно, словно на велосипеде.

Он заводил машину и прогревал мотор, а я залезала на переднее сиденье и оборачивалась перекрутившимся ремнем безопасности. Отец скреб лобовое и боковые стекла заостренным куском прозрачного пластика. Мне нравился этот звук — словно великан подпи-

Сара Мангузо

ливает ногти. Соскобленные льдинки походили на пух: было слишком холодно, и они не таяли.

Когда отец садился в машину, он закрывал вентиляцию и включал подогрев, чтобы разморозить лобовое стекло. Всю ночь машина втягивала в себя холод, и холод внутри был сильнее, чем снаружи.

У школы я попрощалась с отцом и вылезала из машины, а он, вместо того чтобы проехать дальше по круговому проезду, заводил свой маленький родстер вниз по холму на школьный двор. Мальчишки помладше улюлюкали и аплодировали. Я смотрела, как отец резко дает задний ход, в три приема разворачивает машину и с ревом уносится обратно: вверх по холму, на выезд, дальше по улице.

Когда выпадало много снега, приходилось преодолевать тянущиеся снежные хребты между дорогой и тротуаром. Иногда ходили след в след, так что тропа замерзала сугробом с дырами выше колена.

Однажды зимой мама, сдавая назад на въезде, въехала в сугроб и застряла. Я позвонила подруге и сказала, что приехать не получится. А она спросила, медленно и аккуратно: «Поче-

Очень холодные люди

му твоя мама не попросит соседей толкнуть машину?»

Но родители никогда не разговаривали с соседями; все равно, как если бы ни души на километры вокруг. Слишком сложно было объяснять, почему мне не прервать это молчание, так что я сказала подруге, что никого из соседей нет дома.

В те дни, когда обещали снегопад, мы с самого утра настраивали приемник в часах на бостонскую радиостанцию. Если снегопад начинался вовремя и с нужной силой, техника не успевала его убрать.

Государственные и частные школы называли в алфавитном порядке по округам. *Абингтон. Андовер. Актон.* Когда диктор доходил до буквы «М», я прислушивалась, иногда даже прикрыв глаза — был только один шанс услышать. Где-то там скребут снег металлической лопатой. *Уэйтли. Уэйтсфилд. Уэстборо.* И диктор продолжал так, будто Уэйтсфилд ничего для него не значит. *Франклин. Фреймингем. Фритаун.* Добрался до Эверетта — значит, заканчивает.

В холодные дни снег оседал пылью. В теплые — снежинки склеивались и падали хлопья-

Сара Мангузо

ми. Иногда школу отменяли из-за снега, а он таял к полудню.

Мы все знали, что *десять миллиметров дождя равны ста миллиметрам снега*, но это все примерно, ведь снег ложится на разные поверхности.

Я помню металлический запах в воздухе перед снегопадом. Бледную голубизну снега ясным утром. Как он падает тихо, будто выдох. Как присыпает самые холодные дни — когда не растаять — и скрипит под ботинками. Как, белый и мокрый, скрипит на зубах и плавится прозрачным в тепле рта.

Букеты ледяных осадков неповторимы. Снежинка — это не просто замороженная вода: она несет в себе кусочек неба. И голубоватые градины на вкус совсем не как белые, потому что вбирают в себя воздух с разной высоты.

Мы ели сосульки не потому что вкусно, а потому что сосулька — это та простейшая вещь, которую нельзя купить. Мы ели их назло всем, кто говорил, что это дурно и грязно. Все мы за жизнь съедаем немало грязи.

2

Выходи замуж за того, кто полюбит тебя больше, чем ты его, говорила моя прабабушка моей бабушке, и та послушалась.

А когда эта дама, моя прабабушка, состарилась, дети отправили ее в ортодоксальный еврейский дом престарелых для женщин. Однажды к ней заглянул старший сын и сказал, что должен кое-что рассказать. А она ответила: «С Эйбом что-то?» Как знала. Ее возлюбленный супруг умер. И каким-то образом она это поняла.

Такая у нас в семье была история великой любви.

Мои предки переехали в Америку самое раннее в конце девятнадцатого века, меньше чем за сто лет до моего рождения. Разве можно назвать это историей. История — это Кэботы и Лоуэллы, пилигримы и индейцы.